

О Б Щ Е С Т В О И Р Е Ф О Р М Ы

*Н.А. КОСОЛАПОВ***Мечты гуманитария, или
Индикатор зрелости общества?
(О социальном заказе на общественные
науки)**

Что такое социальный заказ на науку: метод удовлетворения личного любопытства за казенный счет, средство обеспечения выживания научной братии в трудные времена, один из миллионов сравнительно честных способов "освоения" бюджетных ассигнований или все же центральный фактор развития современных во всех смыслах слова общества, экономики, государства? Если последнее, то сводится ли понятие "социального заказа на науку" лишь к его утилитарным формам? Должны ли общественные науки занимать особое место в этом заказе? Чем вызывается эта "особость"?

* * *

Начиная с петровских времен Россия живет упованием на то, что соединение новейших технических достижений эпохи с той или иной – передовой по меркам времени – организацией экономики и ее отношений с государством позволит вывести страну на передовые рубежи развития. Идеология эта срабатывала ценой неимоверных человеческих и прочих затрат в лучшем случае на полвека, чаще – на два–три десятилетия, после чего страна вновь обнаруживала себя далеко позади когорты государств – социально-экономических, военных и иных мировых лидеров эпохи. Названия таких государств менялись, статус же России относительно центров мирового развития оставался на удивление постоянным.

Одна повторяемость этой ситуации на протяжении минимум 300 лет, при всех внутренних переменах в России и изменениях в мире, уже должна стать центральной проблемой общественных наук: она объективно доказывает, что дело не только и/или не столько в экономике и технологиях. Сотни, если не тысячи раз вспоминали, что капитализм родился не только из рынка и изобретения машин, но прежде всего из духовного переворота, ему предшествовавшего. В истории Европы и Америки этот процесс и его последствия сложились стихийно. В России самопроизвольно ни того, ни другого за ее историю не возникло. Следовательно, придется стимулировать процессы и тенденции развития искусственно; для этого необходимо ясно представлять, что именно должно быть простимулировано, как это "нечто" связано со всем комплексом функционирования и развития общества и почему оно до сих пор последовательно отторгалось российскими культурой и образом жизни.

Косолапов Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом международно-политических проблем Института мировой экономики и международных отношений РАН.

В этом огромная задача для всех общественных наук, тесно связанная со всеми практическими сторонами нашего бытия, но она не ставится ни властью (которую еще можно понять – ее легитимность производна от очередного приступа исторического заимствования), ни обществом, ни самой наукой без всякого объяснения причин. В неофициальных обменах мнениями чаще всего звучит мысль, будто общественные науки не готовы... Однако они никогда и не будут готовы, если не окажутся перед *институциональной* необходимостью решать задачи подобных масштабов и сложности.

Но проблема не сводится к общественно-научному обеспечению развития России, при всех важности и благородстве такой цели. Естественные науки в XX в. не только до неузнаваемости интеллектуально и материально преобразовали мир, но и наглядно, убедительно, неоспоримо доказали практическую полезность знания, в "чистом" его виде понятного лишь специалистам. За достижениями науки и технологий, за этикетками "века пара", электричества, атома, космоса, электроники, информатики и многого другого как-то затерялся один принципиального значения факт: все изумившие мир открытия науки и результаты применения научных знаний стали возможны не только по причине прогресса самих наук. Но прежде всего потому, что *общество предъявило на них спрос и оплатило его*.

Да, этот спрос в основном и главном был продиктован военно-политическими факторами и интересами (хотя чем дальше, тем во все большей мере не только ими: заработали механизмы рынка и всеерного распространения продуктов и технологий). Да, сила и влияние интересов национальной безопасности и обороны таковы, что побуждают задаваться вопросом, способен ли человек создавать и принимать качественно новое лишь под воздействием угрозы своей жизни, или в историческом смысле дорос до того, чтобы осознанно следовать накопленным опыту, разуму, знаниям.

Оставим философско-этические вопросы в стороне. Важнее, что *массовый спрос общества и государства на инновации, дать которые могла лишь наука, не только был в итоге удовлетворен, но и простимулировал рывок в развитии и самой науки, и общества, всего мира*. Богатые и влиятельные, сильные в военном отношении страны существовали во все времена. Но лишь опора на плоды науки позволила эволюции рода человеческого совершить скачок от аграрного образа жизни к индустриальному, от массового невежества к массовому образованию и культуре, от разобщенности – этнической, территориальной, иной – к началу формирования глобального мира.

Никто не стал бы вкладывать миллиарды, не видя перспектив практической отдачи. Наука, благодаря этим вложениям, получила в свое распоряжение средства, с помощью которых поднялась к новым фантастическим достижениям, создала задел на поколения вперед, стала непосредственной производительной силой, сферой занятости для миллионов людей, влиятельной социальной силой. Она потянула за собой образование, культуру в целом, а главное – структуру и содержание общественного и индивидуального сознания, сам тип мышления современного человека.

Иными словами, *развитие и достижения естественных наук в XX в. стали главным фактором дальнейшей эволюции общества и личности, всех сфер, средств и методов их жизнедеятельности, человечества как рода в целом*. Если нужны иллюстрации и доказательство того, что с появлением человека эволюция из сферы биологической перешла в область сознания, то убедительнее итогов прошлого столетия здесь вряд ли можно что-то найти.

Эти результаты социальной эволюции убедительны и еще с одной стороны. Внутри самого рода человеческого в веке минувшем наиболее успешными, наиболее конкурентно- и жизнеспособными оказывались прежде всего страны и культуры, на регулярной основе (а не от случая к случаю) строящие свою экономику, управление, политику и общественную жизнь с опорой на знания, на их применение в интересах общества. Одним из духовно-политических последствий такого развития стало появление своего рода неоязыческой веры в соединенную мощь науки, техники и экономики, преклонение перед ними. Эти вера и преклонение (понятные и до каких-то пределов оправданные) могут, однако, заменять и подменять собой интерес к антропогенным

факторам развития, особенно если такой не приветствуется или прямо противопоказан по политико-идеологическим причинам.

Расхожей мудростью в СССР были надежды, что соединение научно-технических достижений с плановой экономикой решит все проблемы советского общества. Не успело; да и соединение это всегда было искусственным, насаждавшимся сверху. Теперь та же формула выдвигается вновь, лишь с заменой плана на рынок. Но в мире есть десятки государств, не ставивших над собой никаких экспериментов, однако те же или во многом сходные социально-экономические проблемы существуют и там, при рынке и достаточно развитой экономике.

Нелепо возражать против роста экономики, развития техники и технологий... Но, по существу, это проекция петровского подхода на современность, с некоторым изменением: если Петр I заимствовал ремесла и науки, то сейчас к "ремеслу" (технологиям) добавляют организацию хозяйственной жизни (рынок), ограничиваясь в адрес науки лишь самым общим словесным признанием очевидности ее роли. В современном обществе на рынке в наибольшей цене оказались первичные (энергоресурсы, сельскохозяйственное и промышленное сырье) и наукоемкие продукты. При этом даже разведка и добыча природных ресурсов все более опираются на науку и ее производные.

Прогресс и отдача естественных наук имели и иные духовные и практические результаты. Они заставили предположить, что жизнь и развитие общества тоже подчиняются неким закономерностям, знание и использование которых помогут сделать бытие человека во всех отношениях более достойным. И хотя первый исторический "блин" – коммунистический эксперимент – вышел, как и следовало ожидать, комом, опыты социальной инженерии на нем, скорее всего, не заканчиваются.

Появление и распространение индустриальных образа жизни, цивилизации породили, помимо прочего, специфические проблемы, в ослаблении и/или разрешении которых уже не обойтись без наук о жизни и человеке. Это прежде всего проблемы экологии, разрыва в уровнях и качестве развития стран и народов, взаимодействия индустриальных и традиционных культур (называю лишь некоторые в порядке иллюстрации; читателю все они, несомненно, знакомы). Наконец, ассоциативные способности нашей психики побуждают полагать, что если естественные науки произвели в конечном счете столь впечатляющие результаты, то отдача от наук общественных может оказаться во всех смыслах никак не менее ценной. Однако тут и возникают самые трудные вопросы:

- естественные науки тысячелетия шли к успеху, по пути вынужденно тратя время и силы на тупиковые ответвления, или же это обществу понадобились века, чтобы примириться с научным знанием и воспользоваться им?

- какие факторы и как способствуют появлению и социально значимой концентрации в обществе сил, способных предъявлять спрос на науку и поддерживать его духовно, экономически и культурно на протяжении жизни нескольких поколений?

- существуют ли циклы изменений общественного спроса на науку, и если да, то какие факторы определяют их чередование и среднюю продолжительность?

- как все перечисленное влияет (может влиять) на положение общественных наук в современном мире и в России, на социальный спрос (или его отсутствие) на такие результаты и достижения этих наук, которые могли бы иметь *социально-инженерную* – в отличие от идеологической или утилитарно-потребительской – *ценность*?

* * *

Жизненные наблюдения, накопившиеся за несколько десятков лет, подвели к неожиданному (по крайней мере для меня) выводу: люди в массе своей гораздо умнее и понимают гораздо больше и глубже, чем принято считать на уровне здравого смысла или чем кажется "остепененному" специалисту, погруженному в свою важную, но узкую проблему. Я и приблизительно не могу назвать число случаев, когда заговариваешь о проблеме с человеком, более чем далеким и от нее, и от изучающей ее

дисциплины, и от всякой науки вообще, никаких степеней и званий не имеющим; но говоришь с ним серьезно, уважительно, по делу, без чванства и увиливаний от неудобных вопросов – и вдруг совершенно неожиданно получаешь реакцию, *мыслительно* (не информационно) на уровне высокочеловеческого специалиста. Речь идет о гуманитарном мышлении (не будучи естественником, не берусь судить о реакции неспециалистов на проблемы из этой сферы знания).

Мыслительный потенциал социума определяется не одной лишь численностью в нем профессиональных научных работников. Но тогда неизбежен ряд принципиальных для темы статьи выводов. Первый и главный: наука вообще и общественные науки в частности могли бы развиваться гораздо интенсивнее, если бы удалось заинтересовать и хотя бы наполовину включить в процесс самопознания общества пока главным образом скрытый мыслительный потенциал, имеющийся в нем, но не обретший социально применимой формы. Причем этот потенциал, будучи не востребован обществом, порождает миллионы психологических надломов или уходит в асоциальные русла.

Второй: по-видимому, правомерно говорить о двух траекториях взаимоотношений науки и общества в процессе их развития. Одна – когда наука на бесчисленном множестве повторений и примеров добывает знание и одновременно убеждает общество: "вот оно, берите, пользуйтесь! Это не выдумки чудаков, это знание, от него может быть прок!". Общество же жестко, упорно, нередко жестоко сопротивляется всей массой своих обронзовевших интересов, фобий и предрассудков. Именно этот путь исторически доминировал в мире; именно на нем развитие науки до превращения ее из кунсткамеры и забавы для властителей в силу производительную оказалось прочно заблокированным, невозможным в абсолютном большинстве стран и культур. И произошло это не от бедности, но по причине активного сопротивления общества, наличия у него своего рода антизаказа на науку.

Другая траектория, в наиболее развитых странах реализуемая, а во многих иных, включая Россию, остающаяся предметом мечтаний, – когда общество не просто подает чудакам-ученым милостыню от богатств своих, но формирует *устойчивый и платежеспособный спрос* на результаты научных исследований. С течением времени такой спрос постепенно превращается в плодородную почву, на которой обильно прорастают *стабильные* научные результаты; и в механизм обеспечения ответственности науки перед обществом. Причем если в середине прошлого века по этой траектории шло развитие спроса на результаты исследований в области естественных наук, то с 1970-х гг. эта практика все шире распространяется на науки о жизни и на многие общественные дисциплины.

* * *

В последние десятилетия науки об обществе и человеке вплотную подошли к качественному рубежу в их собственном развитии, а тем самым и в отношениях с обществом, с его элитами, с государством. Суть этого рубежа – в соединении во времени нескольких важных тенденций, в совокупности приближающих возможность (но не более, чем возможность, и пока лишь приближающих) глубокого и мощного прорыва в самой науке и во всей общественной практике.

Среди таких тенденций на первом месте – готовность науки (и необходимость для ее развития) перейти к макросоциетальным исследованиям на сверхбольших социальных и пространственно-временных массивах, единственно способных обеспечить надежную эмпирическую базу для гипотез, их верификации и социальной инженерии. Отсюда дороговизна таких исследований и необходимость для их проведения больших и стабильных коллективов. Это также необходимость стандартизированных баз данных с широким охватом *множеств* социальных параметров, накапливаемых на протяжении значительного времени и на возможно широкой практической основе.

Все это требует иной организации общественных наук и очень (повторюсь!) больших затрат. Но общество и государство на то и другое пойдут, если социальная наука станет выполнять крупные и актуальные практические заказы. Причем науке такие заказы нужны не только ради денег, но прежде всего как способ постановки фунда-

ментальных научно-исследовательских задач, как способ саморазвития. У подобного заказа есть две формы: собственно заказ (контракт) на проведение конкретной работы; наличие в обществе, ее элитах и структурах управления осознанной и постоянной потребности в мнении, совете и практических рекомендациях науки. В долговременной перспективе потребность общества в науке имеет, по-видимому, определяющее значение и для страны, и для самой науки. Для социальных дисциплин дальнейшее развитие без такого заказа станет топтанием на месте, как происходило это со многими естественными науками, пока не сложился спрос на их продукт.

Затраты, которых потребует социально значимое развитие общественных наук (и не столько на оплату труда ученых, сколько на создание инфраструктуры науки – банков данных и библиотек, информационное и техническое обеспечение научного процесса, полевые исследования и т.п.), будут в обозримой перспективе возрастать и, скорее всего, достаточно существенно. Известно, какие астрономические суммы были израсходованы в СССР и США на создание ядерно-ракетно-космического комплекса. Но ведь общество как объект и предмет исследования и прикладных проектов по меньшей мере не проще атома, ближнего космоса, управления полетом ракеты. Хотя бы потому, что в отличие от технических систем все компоненты общества и его структуры – от личности до государства – обладают субъектностью и способны на выбор. Можно ли всерьез рассчитывать, что открытия, технологические прорывы в социальных науках окажутся на порядки менее затратны, чем достижения в стратегических вооружениях, в атомной или космической технике? Маловероятно, просто невозможно. Времена, когда гуманитарии достаточно было лишь бумаги, ручки, библиотеки и тишины, уже в прошлом и назад не вернутся.

Конечно, затраты подобных масштабов предпринимаются, только если этого требуют интересы безопасности государства. До самого недавнего времени безопасность практически отождествлялась со сферами обороны, разведки, подрывных действий. Все это остается и сегодня. Но в глобальном мире статус и возможности государства определяются прежде всего его потенциалом в области экономики, науки и технологий; а безопасность этих сфер в свою очередь также требует опоры на науку. Причем не только на традиционные дисциплины естественно-научных направлений, но и все более на науки об обществе и человеке.

Достаточно сослаться на примеры международного терроризма, проблему недееспособных государств (*failed states*) или ситуаций, наподобие сложившихся в Косово, Ираке. Возможно ли справиться с терроризмом лишь силовыми методами и средствами (которые нужны), не обращаясь к анализу его причин и истоков, социальных функций, его психологии и инфраструктурам (социальной, экономической, иной), к его роли политико- и институтоформирующего фактора в мире? Но и государства становятся недееспособны не только по скудости ресурсов и экономик, а прежде всего из-за жадности и эгоизма их элит, всеохватывающей коррупции и других причин, изучение коих – задача общественных наук. Создание нового государства на месте разрушенного гражданской войной, этническим или конфессиональным конфликтом требует предельно жесткой диктатуры (как в СССР 1920-х–1930-х гг.), длительной иностранной оккупации (Германия и Япония после 1945 г.) либо социальных знаний, необходимых и достаточных для выполнения такой задачи. Взаимосвязанность проблем терроризма, неэффективных государств и преодоления всех последствий (либо управления последствиями) международных конфликтов прямо связывают подобного рода проблемы и их научное познание со сферой национальной безопасности.

Роль общественных наук, однако, не ограничивается их потенциальным вкладом в обеспечение национальной и международной безопасности. XX в. вызвал к жизни организационные структуры беспрецедентных сложности и масштабов. Это корпорации всех видов и направлений деятельности; общественные движения и партии; государство с системой его органов и институтов; международные организации и многие другие. Жизнью поставлены задачи управления или регулирования экономики, развития общества и государства, освоения и развития регионов, деятельности человека в особых сферах (экология, Мировой океан, ближний космос, Антарктика), крупных и долговременных начинаний, проектов, программ (систем пенсионного обеспечения,

социальной поддержки, целевых региональных и технико-экономических программ). Регулирование и особенно управление каждой такой областью деятельности требует теоретического обеспечения, далеко выходящего за рамки одного лишь экономического подхода. По большей части такое обеспечение в области общественных наук пока не существует или находится в самых начальных стадиях разработки.

Дальнейшее развитие общественных наук находится сейчас в России перед своеобразной развилкой. Один, самый дешевый и во всех смыслах минимально обременительный путь – сохранение в них опоры на энтузиастов-одиночек, счастливых уже тем, что имеют возможность заниматься любимым делом. Число таких энтузиастов всегда невелико, специальных расходов они не требуют, умудряясь как-то жить практически "на подножном корму". Патриотичные и бедные (патриотизм – способ самоуважения в условиях бедности) они не уедут из страны, но будут заниматься лишь им самим интересными проблемами, к тому же доступными усилиями одиночек. Появление среди них "эйнштейнов" не исключено, даже вероятно. Но общество, не оснащенное инфраструктурами духовных и практических связей с наукой, скорее всего окажется не готово принять ни самих "эйнштейнов", ни их открытия. Идеи таких одиночек будут обречены в лучшем случае на экспорт (хорошо, если не под чужим именем), а вероятнее всего, на забвение.

Другой путь, позволяющий сохранить видимость современной, ценящей научную мысль и ученых страны и потому (как всякое пускание пыли в глаза) требующий известных усилий, включая материальные, – это краткосрочные (в пределах года–двух) гранты обществоведам (признанным ученым, молодым специалистам, иным категориям, которые без труда определяются бюрократически). Не буду ставить под сомнение полезность таких грантов для их получателей (и для раздающих их организаций): очень многим ученым за последние 10 лет такие гранты помогли выжить, удержаться в науке, выполнить интересные исследования. Но за короткий срок, малым числом работников и за очень небольшие в общем-то деньги никакую крупную общественно-научную проблему решить невозможно. Опыт показывает, что такие проблемы, как правило, в данной системе координат и не ставятся, и даже не заявляются. Конкретное исследование может быть весьма интересным и ценным для специалистов. Работы такого рода нужны прежде всего самой науке для ее "внутреннего употребления"; а значит, полезен и такой метод поддержки общественных наук. Но прорыва в общественных науках этот путь не может дать в принципе – всякий прорыв требует фундаментальных исследований, а они в свою очередь предполагают длительные сроки и немалые затраты.

Третий путь – создание, поддержка крупных, институционально стабильных научных коллективов, нацеленных на решение реальных макросоциальных проблем. Дело это не просто сложное, достаточно дорогое, требующее времени и целеустремленности, сопряженное с финансовыми и иными рисками. Оно еще и наталкивается на ряд серьезных препятствий вненаучного характера, главное из которых – давление господствующей идеологии, политические и иные интересы правящего слоя и наличие социальных инфраструктур, заинтересованных в получении фундаментальных научных результатов и способных применить эти результаты к делу. Именно такого рода препятствия блокировали развитие многих общественных наук в бывшем СССР и продолжают делать это сегодня.

Между тем понятно, что только третий путь способен дать максимальную отдачу как самой науке, так и развитию страны. В отличие от естественных наук (да не обидятся их служители!), науки общественные – еще и *важный компонент самосознания общества*. Импортируя технологии, мы в лучшем случае "учимся ловить рыбу". Импортируя социальные теории, концепции, идеологии, мы *живем чужим умом*, объективно становимся легким объектом манипуляций. Знать мировую общественную мысль необходимо. Но чтобы жизнь оказалась действительно собственной, выстраивать ее нужно самим, что сегодня требует своего научного вклада. Иначе турки будут нам со временем строить не только гостиницы, офисы и аквапарки, но и рынок, демократию, гражданское общество и все остальное, на что появятся спрос и деньги.

Под данным углом зрения становится ясно видна и еще одна важная социальная функция общественных наук: уровни их развития и их востребованности прямо влияют на способность общества, его элит и государства распознавать не только зримые, но и будущие вызовы, возможности и угрозы, своевременно находить пути их использования или оптимальные формы обеспечения безопасности. Конечно, для этого необходимы не только отдельные люди (такие есть всегда), способные мыслить на перспективу, но и элиты, и государственные и общественные институты, интересы и обязанности которых простирались бы не до ближайших выборов, но по меньшей мере на 20–30–50 лет вперед.

В глобализирующемся мире наука, включая общественные ее дисциплины, – еще и важный фактор статуса государства, общества, этноса в мировой социальной экологии. Учебниками, энциклопедиями и трудами каких ученых мы пользуемся, из каких первоисточников исходит используемая нами информация, кто и как обеспечивает финансовую и практическую доступность всего этого? Ответы на эти очень несложные вопросы показывают, какие части человечества сегодня могут быть отнесены к разряду его "мозгов", а какие выполняют иные функции. Важные, жизненно необходимые, уважаемые формально или даже фактически, вознаграждаемые, но – иные.

В практической жизни общества без спроса на науку неизбежны тяжкие испытания и трагические просчеты, естественные при методе добровольно-вынужденных проб и ошибок. Эпоха здравого смысла и повседневной морали в политике быстро приближается к исчерпанию, если уже не завершилась. Причем спрос на решение именно макросоциальных задач имеет сейчас критическое значение для развития общества и наук о нем. Вот наугад несколько таких задач, уже давно витающих в воздухе, актуальность которых зримо подтверждается отечественной (и не только) практикой последнего полувека: теории макросоциального реформирования, управления большими и сверхбольшими социально-территориальными системами, теория социальной мотивации в интересах и целях прорыва в уровне развития большой системы. Список легко продолжить на два–три десятка позиций. Подчеркну: речь не о концепциях или стратегиях (документы такого рода можно написать хоть сейчас), но именно о *теориях* соответствующих процессов; тех самых теориях, без которых любые политические идеи и проекты останутся в лучшем случае благими пожеланиями, в худшем станут источником политико-идеологического догматизма и ущербной социальной практики (как это произошло с концепцией плановой экономики, так до сих пор и не имеющей операционально приложимой теоретической основы).

* * *

До сих пор социальный заказ на общественные науки носит преимущественно идеологический характер. Так было в СССР, предъявлявшем заказ не на науку, а на псевдонаучное обслуживание сложившейся структуры интересов и официально признанных взглядов. Сейчас такой же по сути заказ предъявляется идеологией либерализма, но без финансового и статусного подкрепления, каковыми сопровождался советский идеологический заказ. Идеологический характер носит и социальный заказ на Западе, особенно в США: аналогии знакомы, но чувства юмора относительно себя там на порядок меньше, чем было на советских кухнях брежневской эпохи. Еще одно, очень существенное различие между бывшим СССР и Западом наших дней заключается в том, что в СССР даже тот практический заказ, какой все же существовал, был окрашен идеологически. На Западе рядом с идеологическим заказом есть прагматический, не противостоящий первому, но сосуществующий с ним.

Суть идеологического заказа – в мобилизации идей, концепций и методологии общественных наук на подтверждение того, что принятый порядок вещей не просто законен, справедлив и разумен (все это вопросы скорее веры, нежели науки), но и отвечает всем требованиям и положениям современной науки; с ее позиций чуть ли не единственно верен. Требование научного обоснования идеологии отражает особенно-сти современных как практики, так и психологии, для которой "научное" стало критерием доказательности и целесообразности.

Проблема, однако, в том обратном воздействии, которое такая связь науки и идеологии оказывает на движение научной мысли. С большей или меньшей жесткостью, откровенностью затрудняются или даже полностью блокируются те научные исследования и проекты, исходные установки и/или ожидаемая отдача которых противоречат официальной идеологии, ее отдельным положениям, не согласуются с ними или содержат хотя бы намек на возможность подобного.

Давление доминирующей идеологии не останавливает развития науки, но придает ему специфический характер. По сути, идеология есть не что иное, как макросоциальная и макровременная гипотеза; а опыт реализации идеологии – способ верификации такой гипотезы. Конечно, это тоже путь познания, особенно в общественных науках; но путь чрезвычайно медленный, требующий скорее геологических, нежели политических сроков. Он был неизбежен, пока человек не догадывался о внутренних закономерностях, присущих идеологии и ее связям с сознанием и практикой. Сейчас такое знание пришло и, не отрицая права идеологий на существование, допускает проверку одновременно многих, в том числе взаимоотрицающих, гипотез. Но это в области "чистой" науки.

Политически же никакая идеология не бывает гомогенной. В ее стане всегда представлены и люди несправимо догматические (из их числа рекрутируются ортодоксы, фундаменталисты и фанатики), и искренние идеалисты, и циничные прагматики. Наука, как правило, оказывается ближе идеалистам; в прикладных ее проявлениях вполне приемлема для прагматиков; она несовместима с ортодоксией и особенно фанатизмом.

Здесь и начинается конфликт социальных заказов. Прагматика устраивает нечто конкретно-приземленное (что само по себе может быть полезным), но настораживает все то, что способно серьезно нарушить устоявшийся порядок вещей (а макросоциальные исследования часто подводят к таким переменам). Рациональный идеалист, напротив, исходит из предположения о высшей ценности прежде всего хорошей теории. Соответственно, прагматик поддержит систему грантов на конкретные разработки (что, конечно, нужно); рациональный идеалист отдаст предпочтение фундаментальной науке. Вопрос, кто – прагматики, идеалисты или ортодоксы – задает тон в политико-идеологической сфере общества и данный период.

Политический разворот России 1990-х гг. к идеологии геополитики сразу же отрезал саму возможность появления социального заказа на целые направления общественно-научных исследований, плохо совместимые с этой идеологией или вообще с ней не стыкующиеся. С начала 2000-х гг. эта идеология оказалась вроде бы потесненной, но теперь должен быть ясный и адекватный социальный заказ на общественные науки со стороны государства, который четко фиксировал бы, какие цели оно преследует и какую политику намерено проводить на том или ином горизонте времени. По-видимому, достаточного согласия по этим вопросам в российских элитах и правящем слое пока нет.

История развивается циклами, чередующимися сравнительные веса эмпирики и познания. Деление это условно, особенно применительно к социально-исторической практике. Исключительно в целях анализа последовательность подобных циклов можно представить как цепь "опыт–осмысление–гипотеза–верификация–опыт". Их главный и необратимый итог: совокупность идей, которая много труднее, чем материальные условия жизни, поддается отбрасыванию назад. Логично допустить, что социальный заказ на общественные науки, на науку вообще неизбежно будет отражать специфику этого цикла, требования и задачи той его фазы, через которую проходят сейчас страна и мир (равно как и возможность рассогласования фаз для страны и мира).

Но в процессе этого движения истории, накопления и развития идей всевозможная лысенковщина нередко гораздо лучше, чем подлинная наука, обслуживает текущие конъюнктурные потребности политиков. Наука говорит: "табу", "неизвестность", "результаты будут не ранее чем...". Лысенки и лысенковщина вопрошают "чего изволите-с?" и уверенно обещают вождьеленный результат к ближайшим юбилею, съезду или выборам. Наивно полагать, будто лысенковщина присуща какой-то одной науке, стране, эпохе: социальный заказ времени может оказаться заказом на лысенок. Такой

казак формируется или предельным субъективизмом (не случайно каждая революция и ее преддверие выдвигают своих "чудотворцев"), или – особенно в век всеобщего образования – необходимостью скрыть от общества хотя бы на время истинные интересы и цели правящих групп и элит. К тому же лысенки, как правило, формируют потребность в заказе, их устраивающем, намного энергичнее и эффективнее, чем это делают истинные ученые, погруженные в свои проблемы. "Ученый совет при Чингисхане", переделы власти и собственности, политическое и/или идеологическое мессианство – вот социально-исторические условия, в которых настоящая наука не только не нужна, но лишь мешает. Однако если век требует аргументации, основанной на научных данных и положениях, социальный заказ на соответствующую "науку" будет сформирован и в этих случаях.

Ключевой проблемой оказывается, таким образом, заказчик – его социальная сущность, интересы, цели, идеологические и иные позиции, субъективные особенности. Здесь возможен ряд вариантов: общество, государство, частный сектор, специальные институты. 1990-е гг. оставили впечатление (пока всерьез ничем не поколебленное), что у них нет никакого заказа на социальную науку, даже идеологического; что заказ им активно не нужен, он только мешал бы. При более пристальном взгляде, однако, обнаруживается, что подобное положение возникло не вдруг, его признаки нарастали в стране на протяжении 1970-х и особенно 1980-х гг. Все, что произошло со страной и обществом на протяжении 30 последних лет, по моему глубочайшему убеждению, поддавалось научному прогнозированию на нынешнем уровне знаний, как минимум, за два-три года до событий. Но в СССР честный прогноз был заведомо неприемлем по идеологическим и политическим причинам, преследовался и карался в уголовном и психиатрическом порядках. Во времена перестройки преследования прекратились, но ни под нее, ни по ее ходу не были заказаны и выполнены ни один прогноз, ни одно специальное исследование. Причины прозрачны: если наука может войти в противоречие с политикой, отечественные политики предпочитают жертвовать наукой.

Не хочу идеализировать китайский опыт и прекрасно понимаю причины его неприменимости в бывшем СССР и тем более в России. Но там практически с начала реформ действует оформленный законом порядок, согласно которому вначале проводится экономический эксперимент на примере предприятия, района; его итоги анализируются научными институтами (академическими и ведомственными); по результатам анализа формулируются правительственные предложения, принимаются решения ЦК КПК и государственные законы.

Медленно и, наверное, не всегда эффективно? Скорее всего. Но мне до сих пор интересно, почему китайская номенклатура оказалась готова к принятию идеи реформирования, создала процедуру реформ и четверть века ее придерживается, а у нас в стране не возникло ничего отдаленно похожего. В современной России формально идеологических запретов и ограничений нет. Но и заказ на общественные науки минимален, а рекомендации науки часто просто игнорируются теми, кого они, казалось бы, больше всего должны интересовать (знаю по опыту).

Частный бизнес не дошел до постановки задач перед науками об обществе и человеке. В России еще просто предельно мало таких структур, которые по их финансово-экономическому потенциалу были бы способны без ущерба для себя финансировать крупномасштабные исследования. До создания фондов типа Карнеги, Макартуров еще далеко. Отношения олигархических структур с властью пока весьма неоднозначны. Сами российские корпорации и масштабы их деятельности тоже не столь велики, чтобы ставить общественные науки перед *интеллектуальными вызовами*, а не просто темами работ по контрактам. Невелики и возможности субъектов Федерации, хотя интерес к таким исследованиям у них возрастает.

"Плюс" в том, что современным бизнесу и власти в принципе не надо доказывать пользу науки как таковую. Вопрос обычно стоит иначе: что конкретно могут дать общественные науки, определенное направление исследований; как эта ожидаемая отдача соотносится с теми идеологическими, политическими и культурными препонами, которые придется преодолевать на пути к получению и/или использованию полученных результатов? Если препоны представляются, тем паче являются, серьезными, с ни-

ми предпочитают не связываться – и это включает иные механизмы формирования социального заказа.

Заказчиком в идеале должно быть гражданское общество; но кто конкретно, на какие деньги? Университеты, в развитых странах обладающие возможностями привлекать крупные пожертвования и контракты, в отечественной практике последних лет подобного лишены. Из политических партий жизнеспособны лишь партии власти, но в силу своей "одноразовости" им пока не до поддержки научных исследований. О других общественных формированиях говорить не приходится. Именно общество, однако, более других заинтересовано в развитии науки как средстве не только познания, но и легитимации социально-политических институтов и курсов; науки как формы и способа воздействия на власть. Показателен опыт СССР, где практика все более противоречила здравому смыслу и научным представлениям. Советский Союз лишили легитимности не И. Сталин и его преступления (которые были в прошлом и необратимы), но противоречия текущей реальности науке и здравому смыслу.

Опасность еще в том, что в обществе могут быть наиболее активны группы и слои, по разным причинам заинтересованные в псевдо- или антинауке. Это силы реакции, формирующие спрос на антинауку, мракобесие и шарлатанство. К сожалению, реакция в современной России лидирует. Нет подлинно левых сил и партий, поэтому нет центра. Спектр полностью смещен в правую сторону. Отсюда – не редкость интерес к идеям, в мировой науке не относимым к разряду собственно наук.

Европейская наука новейшего времени ведет свою родословную из Возрождения, Просвещения и атеизма. В последние 20–25 лет, с ростом проблем, ошибочно приписываемых науке ("понаоткрывали тут всяких атомов и генов!"), с кризисом социалистической идеи и неотделимого от нее стремления к научному мировоззрению, начался цикл наступления на науку в России и в мире не религий даже, но дорелигиозных, неоязыческих (или подобных им) верований и предрассудков. Происходят не лобовые атаки на науку, но многочисленные, небезуспешные попытки подменить ее всевозможным наукоподобием. Такие попытки способны выступать в обличи социального заказа на науку и делают это. По понятным причинам, особенно часты и "продуктивные" подобные опыты на стыке с общественными науками и/или под их видом.

Повышению вероятности заказа общества на псевдо-, антинауку объективно немало способствует и практически полное отсутствие методологической базы в структуре высшего образования и в его содержании. Какой заказ и на какую науку сформируют со временем люди с такой подготовкой? Не произойдет ли замена нравственных и этических представлений, ценностей, ориентиров на ремесленные по сути навыки, лишь притворяющиеся наукой? Ведь уже сегодня в одном из самых солидных и модных вузов проводятся семинары на тему об эффективных правовых методах изгнания бедных из центра крупного российского города. Не по инициативе самого вуза – есть спрос, социальный заказ. Многообещающий пример!..

Приходится признать: социальный заказ на общественные или иные науки – не обязательно благо, а, возможно, нравственное и практическое зло. Давно теоретически признано, что не все можно мерить деньгами или купить на них, что меркантильный подход во многих случаях не только вреден, но и аморален. По аналогии, не все, видимо, можно делать объектом и предметом научного анализа или научной организации: приложение науки к недостойным или откровенно преступным целям аморально, оно позорит науку и может подтолкнуть эволюцию общества в опасных направлениях, вызывать социальные мутации, искоренять последствия которых придется на протяжении поколений. Значит, социальному заказу на науку нужен некий *нравственный фильтр*, и эта проблема сама должна, видимо, стать предметом серьезных обществоведческих исследований.

* * *

Все перечисленное – факторы системные, не меняющиеся лишь по нашему выбору и желанию. Без опоры на общественные науки не быть подлинной самостоятельности, интеллектуальному суверенитету страны. Сегодня общество, не опирающееся на

науку, в лучшем случае не сможет эффективно развиваться, стать участником клуба стран с наиболее развитой наукой; в худшем – рискует оказаться в плену виртуальных глюков: предрассудков, социальных суеверий, фобий, мифов и манипуляций.

Одна из основных особенностей XX в. состоит в том, что человек впервые в истории попытался осознанно строить свою социальную жизнь. Не в рамках лишь коммунистического эксперимента, но и социал-демократии, и в практическом применении теории модернизации, и во многих национальных программах развития стран "третьего мира", в попытках по строительству новой государственности на месте бывших диктаторских режимов и недееспособных государств, и даже в политике МВФ и Всемирного банка. Ни один эксперимент не дал идеальных ответов на ставившиеся перед ним вопросы и задачи; каждый породил собственные издержки, противоречия, проблемы. Но каждый стал объективно гипотезой, верификация которой может существенно продвинуть социальные опыты и познание. Каждый был по-своему важен не только для отдельных стран, но и для всего мира.

На этом фоне положение с социальным заказом на общественные науки в современной России не просто прискорбно с точки зрения интересов науки, общества и государства. Оно производно от той фазы цикла процесса "познание–практика", в которую вступило мировое развитие в конце XX в., – взаимосвязанных кризисов социалистической идеи и престижа науки в современном обществе. Если в преддверии прошлого столетия и на протяжении первой его половины два эти явления питали и укрепляли друг друга, то нынешнее положение естественно для перехода от верификации ранее выдвинутых гипотез к их переосмыслению и переформулировке и к обретению на данной основе нового социального опыта.

Изначальная гипотеза (строительство социализма) на этом этапе не переосмысливается и не уточняется, но отброшена в пользу ее антитезы – либерализма. Однако если первая принималась в свое время не критически, в эмоциональной надежде на лучшее будущее, то вторая принимается сейчас не менее эмоционально и в расчете на то, что она сработала в других странах. Иначе говоря, Россия возвращается в начало периода верификации – но уже другой гипотезы, не той, которой следовали предыдущие 70 лет.

Такая фаза – не лучшее время для спроса на общественные науки. Проверка гипотезы начинается практикой, и здесь действует правило "некогда думать, работать надо". Результаты, пригодные для научных анализа и выводов, еще предстоит накопить. Общество переживает тяжелую внутреннюю трансформацию, и в нем пока только формируются, самоопределяются силы, способные со временем дать социальный заказ на науку. Но одновременно предельно активны те группы, интересы которых толкают их к псевдо- и антинауке. В обществе, как уже было сказано, нет пока спроса на левые альтернативы, нет левых сил и движений. Политический центр складывается, по сути, в пределах правоконсервативного фланга, каковой составляют либералы и коммунисты, 70 лет стоявшие у власти и стремящиеся остаться в ней, с партбилетом или без. Но левизна – не только политическая позиция; это прежде всего свобода мысли и движение социальной мечты, без которых наука вырождается в прикладные технологии – от технологий манипулирования до технологий освенцимов.

Время и условия, не лучшие для социального заказа на науки об обществе и человеке. Такие науки подталкивают к тому, чтобы жить прежде всего по "рацио", а не только по "эмоцио". Сделанный же социальный выбор пока действует как прокрустово ложе, в которое непременно должна быть втиснута практика. Понимание, что этого и на сей раз не случится (а с ним и спрос на новый научный прорыв) – придет обязательно, но позже, когда обилие накопленного опыта сделает интеллектуально невозможным дальнейшее мышление в категориях и концепциях, сегодня пока представляющих почти абсолютами.